

ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ И ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ (КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ)

А. Е. Таранова

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

Е. Л. Антонова

Белгородский государственный институт искусств и культуры

Поступила в редакцию 18 января 2023 г.

Аннотация: в статье рассматриваются перспективы культуры, человека и науки в условиях культуры отмены в «парадигме» посткультуры с ее пониманием прогресса. Поскольку в постиндустриальном обществе понятие «техноуклад» становится ведущей единицей измерения достижений культуры, – «технократический» подход к пониманию будущего, в котором культура понимается как «научно-технический» феномен, наука выступает побочным продуктом технологического процесса, который, по сути, превращает человека из субъекта в объект «приложения» технологий. Исключение человека из технологической цепи, по сути, превращает постиндустриальную эпоху в эпоху посткультуры, постнауки и постчеловека.

Ключевые слова: проект культуры отмены в «парадигме» посткультуры, техноуклад, постнаука, ценностный и когнитивный аспекты познания.

Abstract: the article examines the prospects of culture, man and science in the conditions of the culture of abolition in the «paradigm» of post-culture with its understanding of progress. Since in a post-industrial society, the concept of «techno-culture» becomes the leading unit of measurement of cultural achievements, a «technocratic» approach to understanding the future, in which culture is understood as a «scientific and technical» phenomenon, science acts as a by-product of a technological process that, in fact, turns a person from a subject into an object of «application» of technologies. The exclusion of man from the technological chain, in fact, turns the post-industrial era into the era of post-culture, post-science and post-man.

Key words: project of cancellation culture in the «paradigm» of post-culture, technoculture, post-science, value and cognitive aspects of cognition.

Провозглашение наступления эпохи культуры отмены свидетельствует лишь о том, что современные «западные прогрессисты» промышляют будущее сквозь призму вышеозначенного феномена, воспринимая его как «абсолютное благо» для человечества. Последнее свидетельствует лишь о том, что после распада Советского Союза современный Запад во главе с США, присвоивший себе «право на вседозволенность», окончательно утратил связь с реальностью, целенаправленно погружая мир в новые «Темные века».

Об этом свидетельствует тот факт, что США, не изменяя своей культурной парадигме, продолжает практиковать собственные культурные проекты в

новых исторических условиях, как это было после окончания Второй мировой войны, когда проект массовой культуры – с использованием «социальных технологий», сформулированных Т. Лукманом и Л. Бергером, – «внедрялся» в культурное пространство послевоенной Европы. Сегодня США предлагают человечеству проект культуры отмены. При этом показательно, что в основу проекта культуры отмены, как и проекта массовой культуры 50-х – 60-х гг. XX столетия, закладываются «элементы» разновекторных поведенческих девиаций. Но, если в XX в. защита прав человека, наркотики, бродяжничество, появление молодежных контркультурных образований и культ потребления выступают «инструмента-

ми) формирования массовой культуры современного Запада, то в XXI в. это:

- защита демократии по всему миру;
- движение БЛМ с уничтожением памятников отцам-основателям и героям Гражданской войны 60-х гг. XIX в.;
- легитимация ЛГБТ и зоофилии как отказ от признания за человеком статуса исключительности, создавшего систему культуры как особой – человеческой – формы социальности;
- борьба за мировую гегемонию и русофобия;
- борьба с вредными выбросами в атмосферу и переход к «зеленой экономике», невозможной без «глобальной деиндустриализации»;
- создание новых ИТ и переход к новому технологическому укладу как действенные инструменты реализации проекта культуры отмены.

Так, незаметно, под лозунгами защиты природы и прав меньшинств, создания новых систем коммуникации проект культуры отмены превращается в войну с собственной историей и культурой не только на территории России и постсоветского пространства, Западной и Восточной Европы, но и – по умолчанию – в самих США.

В этом нет ничего удивительного, так как в историческом плане – в отличие от Европы, России, Китая, стран Ближнего Востока и др. – США нечего терять. Это не они обретали культурно-исторический опыт, пройдя через эпохи Античности, Средневековья, Возрождения, через открытие Нового времени, Промышленный переворот, выдвинувший идею Прогресса. Не они совершили социальную революцию, победили фашизм, и саморазрушились, поверив обещаниям процветания с вхождением России в процесс глобализации, запустившей процесс тотальной деиндустриализации незападных мир-систем, приближавшей конец истории (Ф. Фукуяма). И это в то время, когда исторически сами США, страдающие неизлечимым «синдромом аутизма», явились всего лишь «последствием» эпохи Великих географических открытий, осуществленных ренессансной Европой, «возрождавшейся» после «средневекового сна», растянувшегося на целое тысячелетие. С этой точки зрения запуск проекта культуры отмены – в «парадигме» посткультуры – есть «прицельный выстрел» в Прошлое, разрушающий сложившуюся систему смыслов, выработанных в исторической динамике культуры, не понимая, что при этом они разрушают не только собственную модель экономики, основанную на колониальном «грабеже и разбое», но и западную – Америка – гегемонию.

Переход к проекту культуры отмены кардинально изменяет понимание науки и культуры, что формирует в общественном сознании новые образы этих феноменов. С этой точки зрения, речь идет об их

фактическом «переоткрытии»¹. Образ науки в условиях культуры отмены конструируется исключительно в концептуальной парадигме технократического измерения, опирающегося на «технонауку» (Ж. Оттуа, Б. Латур, Э. Пиккеринг и др.), согласно которой «техногенная среда превращается из простого приложения научного знания в естественную среду его развития» [1, с. 201]. В этих условиях, при «измерении» достижений культуры «духовное производство» в целом и наука в частности, субъектом и объектом которого является человек, признается вторичным. На первое место выходит «материальное производство», лишенное – в отличие от «позднеиндустриальной» эпохи XX в., целью которой было человекобережение, – проектного потенциала. Задачей материального производства становится создание технологий, не только изменяющих рынок труда, но и «регулирующих» структуру социальной стратификации.

Здесь речь идет об автономном развитии науки, больше не придающей значения обратной связи между экономической средой и направленностью технологического процесса, что превращает саму науку в непосредственную производственную силу, лишенную, по сути, «человеческого измерения». А поскольку на абсолютизации роли техники выстроено целое направление в науке, получившее название технологического детерминизма², – в условиях постиндустриального общества понятие «техноклад» становится основной единицей измерения достижений «эпохи» культуры отмены. В этом контексте можно говорить о том, что понятие «техноклад» выходит за пределы его понимания в узко-экономическом значении и приобретает интегративное звучание, которое соединяет экономические, социальные, культурно-ценностные его параметры, так как «при изменении технологического уклада наблюдаются радикальные преобразования в социальных и институциональных системах, что, в свою очередь, приводит к широкомасштабному применению технологий (в частности, человеко- и культурно- творческих. – *авт.*)» [2, с. 351].

Но, если учесть, что будущее выбирают не народы, а правящие элиты, фактически лишая человечество выбора, – становится понятно, почему проект культуры отмены нацелен на новый техноклад, где

¹ Культура, как и любой феномен, «достигая пределов» следующего культурного цикла, нуждается в своеобразной «перезагрузке» – парадигмальному переосмыслению, что, по большому счету, сравнимо с ее циклическим «переоткрытием».

² Согласно западным концепциям технологического детерминизма (О. Тоффлер, Р. Арон, Д. Белл, З. Бжезинский и др.), логика развития техносферы априори не совпадает с потребностями человека. Поэтому, если сегодня от уровня технологического развития зависит система общественного управления, то в будущем сама техносфера будет определять (и даже диктовать) систему управления социальными процессами и место человека в ней.

в бинарной оппозиции «человек – техника» доминирует последнее. Выведение «техноуклада» на «экспертный уровень» превращает поиск разумных пределов «замещения» техникой человека в проблему первостепенной важности³.

Проблема заключается в том, что 1) руководствуясь философскими установками утилитаризма и прагматизма и оставаясь в рамках проекта культуры отмены на 2) эмпирическом (эмпирико-индуктивном) уровне постижения действительности, часть западных (США, Великобритания) технократов и отечественного научно-технического сообщества, встроеного в западную модель «научной практики», продолжают находиться в тисках «механистического» видения реальности, «противопоставленного реалистическому допущению» [3]. Поскольку ими игнорируется уровень теоретического осмысления⁴, – именно их среде принадлежит «технократическая мифология», основанная на научной фантастике (Г. Уэлс, У. Гибсон, Р. Брэдбери и др.), стирающей границы между человеческой и «машинной» деятельностью, и «рисующая» «технократическую» картину мира, лишённую человеческого «лица». Не удивительно, что когда в постиндустриальную эпоху, собственно, «инициировавшую» культуру отмены, «технократическая мифология» (за неимением других идей) перемещается с позиции научно-утопических «предвидений» в область планирования будущего как настоящего, – новый виток «техноуклада», фактически замещающего человека, начинает восприниматься как достижимая реальность.

Это при том, что в позднеиндустриальную эпоху западная «технологизированная наука [в основном] осваивала ... идеи, концепции, ... принципы конструирования экспериментальных установок, полученные предыдущими поколениями ученых» [3, с. 215]. За два десятилетия XXI в. также не было сделано ни одного открытия «сравнимого с открытием гена, молекул [космоса (К. Циолковский). – авт.] ... [и с] разработкой соответствующих теорий» [там же]. Как результат, на этапе постиндустриальной эпохи, породившей культуру отмены, на смену «парадигме развития» (идеи Прогресса для «разнообразия техносферы») приходит «парадигма единообразия» (или «механизации техносферы»), что потребовало кардинального изменения психологии современного чело-

³ В парадигме культуры отмены происходит не просто сдвиг «ценностей [в обмен] на удобства» (С. Лем), а последовательное сужение круга «групп» (не факт, что это будет «золотой миллиард»), для которых эти «удобства» – нынешний энергетический кризис как пример – будут доступны. Остальные естественным образом попадают под действие «закона эволюции» Ч. Дарвина.

⁴ Осмысление реальности с учетом экзистенциальной взаимосвязи феноменов культура/наука – человек – общество.

века, когда на смену массовой культуры как культуры потребления должна прийти и победить «гендерная революция» в форме отмены самоидентификации мужчин и женщин, знаменующей разрушение связи между полом и присущей ему социальной ролью, что – по проекту культуры отмены – фактически означает отмену человека как ее творца.

Движение постиндустриальной эпохи в рамках проекта культуры отмены в сторону «голового» технизма, когда культура понимается исключительно как «научно-технический» феномен, позволяет говорить о победе «неотехнократов»⁵, – для которых технический прогресс – это выстраивание системы «надбиологических программ деятельности» [4] (тотальная цифровизация, электронное правительство, роботизация, «кибер-технологии» и др.) – над реалистически мыслящими учеными-технократами, понимающими Прогресс как средство и отводящих технике «скромную» роль улучшения качества жизни человека, – как о свершившемся факте.

Но, если учесть, что «технизация» – это «не ... только машины и инструменты, ... [но и] представление о мире, которое руководит нашим восприятием всего существующего» [5, с. 154], то, в контексте проекта культуры отмены постиндустриальное общество, сформировавшееся под влиянием мифов о технической революции будущего, как его видел тот же З. Бжезинский, в культурном, социальном, экономическом и психологическом плане есть «общество технотронное», с иным видением мира. Под воздействием «иновидения» рушатся традиционные устои – семейные и межпоколенные связи, идеологические установки, способствующие сохранению национальной идентичности и общественной интеграции, изменяется характер образного восприятия [6], а главное – снимается проблема поиска смысла бытия. Собственно, это и является экзистенциальной задачей проекта культуры отмены.

С учетом сказанного измерение достижений культуры техноукладами не только приближает наступление эпохи посткультуры, которая характеризуется практическим использованием достижений культуры после исчезновения самой культуры и породившей ее социальной системы [4], но и не позволяет дать реалистичную оценку последствий ее наступления. Устраняя из технологической цепи человека, «неотехнокараты» не учитывают уроки истории – любая революция («технократическая» – не исключение) пожирает и своих детей.

Здесь на первый план выходит намеренно небезбализируемая проблема: если в условиях реализации

⁵ Прослойка технических специалистов, входящих в состав «высших функционеров» государства, мыслящих категориями «футурошока», для которых государство – механизм, а архитектура общества – техносфера, управляемая ИИ.

проекта культуры отмены как «парадигмы» посткультуры наблюдается выстраивание системы «надбиологических программ деятельности», управление которыми делегируется не человеку, а искусственному интеллекту (ИИ), – человечество, по сути, вступает в эпоху «постнауки», когда новые технологии разрабатываются не для решения накопившихся «глобальных проблем человечества», а исключительно как «целевой продукт» для исключения человека из процесса изобретательства (творческого процесса, направленного на решение сложных технических задач), планирования и производства, с последующим замещением последнего ИИ и робототехникой.

Перенос определения посткультуры как «сверхиндустриальной», данного Э. Тофлером [7], на науку только «глобализирует» понимание проблемы. Здесь уже речь должна идти о таком феномене, как «постнаука». Тем более что еще в середине XX в. Л. Лауден заявлял, что «наука стала обильным источником проблем для некоторых видных философов и социологов последней половины [XX. – Авт.] века» [8, с. 296]. В XXI в. это касается уже не только философов и социологов, но и «неотехнократов».

Если же обратиться к мысли о том, что в условиях кризиса от новой научной парадигмы может родиться новая традиция «нормальной науки» [9], начисто лишенная «человеческого измерения», – отказ от ценностного и когнитивного в познании (как «научной архаики») меняет уже не только «отношение человека к природе» и место последнего в системе «общественного производства», но и представление о сути Прогресса⁶. Только в этой парадигме – где познание утрачивает личностный характер – уже сам человек предстает в ипостаси «постчеловека».

В этом контексте речь идет о кризисе науки как рациональной формы познания, связанном с отказом от понятийного мышления. Последнее в условиях «новой технократической волны» постиндустриальной эпохи, породившей культуру отмены, может оказаться фатальным. На самом деле, если понятийное мышление формирует конкретно-исторические научные картины мира – механическую, химическую, физическую, биологическую, социальную, то без понятийного мышления представление о реальности становится субъективным – иллюзией, никак не связанной с реальностью. Как пример, Д. Койн искренне уверен, что мозг современного человека представляет собой «компьютер, который должен подчиняться законам физики. Таким образом, и выбор, который ... [он] делает[т], тоже должен подчиняться этим законам» [10, с. 224]. С этой точки зрения, кризис культуры, человека и науки есть результат кризиса

мировосприятия как прямого следствия отказа от понятийного мышления, что является одним из признаков культуры отмены.

Уход от стадийного («классика») и мир-системного («неклассика») «измерения» культуры и переход к ее рассмотрению исключительно сквозь призму «технокладов» («постнеклассика») не просто нивелирует общепринятые и общепризнанные представления о прошлом и настоящем, что по умолчанию свидетельствует о фактическом отказе от исторически сложившихся форм культуры, но и демонстрирует «технократический» подход к пониманию будущего, в котором человек превращается из субъекта в объект «приложения» технологий.

Между тем, пока культура понималась как «совокупность материальных и духовных ценностей, жизненных представлений, образцов поведения, идеалов, норм, способов и приемов деятельности, воплощенная в предметных носителях и передаваемых последующим поколениям» [4], – она выполняла ту же функцию, что и «наследственная [генетическая] информация для живого организма» [там же], а современность выступала как «отражение прошлого» с сохранением исторически сложившихся смысловых целей и смыслов, – наука «измерялась» рациональностью, а в познании обретали ценность ценностное и когнитивное начала.

По мере того, как наука, понимаемая как «духовно-познавательная» деятельность, цель которой – знание, приобретала «статус достоверности», возрастала ценность 1) философско-мировоззренческого измерения в науке и 2) когнитивного «потенциала» научного познания, а 3) мировоззренческая «нагруженность» определялась глубиной проникновения в сущность объектов исследования. При всей самостоятельности отдельно взятых отраслей научного знания и специфическом разнообразии их логико-концептуальной оформленности в доиндустриальную эпоху их объединяли не только «общий» объект (описание мира) и единство функций, но и структура познания [11]. Разделение науки на естественные и социально-гуманитарные отрасли знания в конце XIX в. становится лишь формальной предпосылкой для переосмысления цели и смысла научно-познавательной деятельности. Придание познанию «человеческого измерения» не только положило предел «противоборству» ценностного и когнитивного в научном познании, но и стало признаком вступления индустриальной эпохи в период «зрелости» (XX в.).

Поскольку ценностная (гуманитарные отрасли знания) и когнитивная (естественные науки) «нагруженность» разных форм научного знания зависела от исследуемого (человек или природа) объекта, – мировоззренческая составляющая последних фиксировалась в свойственных им «форматах» освоения реаль-

⁶ Примером может служить научно-фантастическая лента Нила Бломкампа «Элизиум».

ности, определявших стиль мышления, конструировавшего научную картину мира как «схему мироустройства» [12, с. 258–259] конкретно исторических эпох.

«Стилеобразование» мышления – как «системы логически [выверенных] понятий» [11, с. 17] – в научном познании было обусловлено, с одной стороны, господствующими в конкретно исторические периоды мировоззренческими представлениями о мире и способах его познания, с другой, – «категориальными структурами», доминировавшими на разных этапах исторической динамики «отраслевого» научного знания. В соответствии с ними формировалась мировоззренческая и ценностная интерпретация «отраслевых» научных категорий. И если, по мнению Борна, стиль мышления представлял «философское лицо эпохи, которое определяет ее культурные основы» [13, с. 266], то «технократический» стиль мышления постиндустриальной эпохи поражает стремлением – в духе «парадгмы» посткультуры как конца истории – к одномерности и линейности, что наводит на мысль о возрождении «механицизма» в осуществлении логических процедур, только в новом – «технократическом» – измерении. Сюда же следует отнести и сведение проблемы ценностей к сугубо методологической проблеме, что не только отправляет науку на уровень эмпирики, но и способствует (проблема «фактуального консенсуса») искажению исторических фактов [8] в контексте культуры отмены.

Если же действовать в духе обратной тенденции, то речь должна идти о «наращивании» методологического «ресурса» науки, в котором когнитивный – личностный – «аспект» познания должен не просто наличествовать в обязательном порядке, но и последовательно нарастать. А это означает, что западному научному сообществу необходимо принять как данность влияние ценностных ориентаций на содержание и вектор динамики современного научного знания. Только «новая технократическая волна на Западе» [5] постиндустриальной эпохи, породившей культуру отмены, демонстрирует отказ от ценностного и когнитивного в познании, что только приближает наступление тоффлеровской «сверхиндустриальной» эпохи как эпохи посткультуры, постнауки и постчеловека.

Здесь имеет смысл обратиться к реальной истории понимания культурно-исторического процесса и места человека в нем. До середины XIX в. социально-культурные процессы рассматривались преимущественно сквозь призму естественных наук. В частности, с механистической точки зрения, человек, выведенный за рамки общественных отношений⁷, рассматривался как «перпендикулярно ползающая машина» (Ламетри), а с биологической точки зрения

⁷ Согласно П. Гольбаху, человеческое общество – это совокупность людей, проживающих на планете земля.

– как биологическое существо (Ч. Дарвин) или же (французское Просвещение) – социальное животное.

Новое понимание человека и его социальной (как культурной⁸) жизни появляется только во второй половине XIX в. Сказанное объясняется тем, что именно в этот период социально-гуманитарное знание приобретает научный статус. Социально-гуманитарное знание получает философское обоснование в разных концепциях:

- неокантианство (Рикерт, Виндельбанд);
- позитивизм, изучавший социум (Конт и Спенсер обращаются к проблеме взаимодействия человека с «социумом»);
- историко-материалистическая концепция понимания человека и общества, в рамках которой человек как социальное существо формируется в процессе трудовой деятельности совместно с остальными членами сообщества, выстраивая тем самым социальные отношения. В этом контексте человек выступает творцом не только самого себя, но и социально-культурного мира, направляя «творческий подход» на преобразование природы;

– развитие идеи Прогресса, берущей начало в эпоху французского Просвещения, движущей силой которого выступает человек как движитель истории.

Усиление взаимосвязи форм научного знания и философских оснований науки обнаруживается в повышении роли аксиологических и гносеологических факторов в генезисе теоретического знания. Это объективное обстоятельство, проявляющееся в интеграции и взаимопроникновении научного и философского знания, отражается на мировоззренческой ориентации, научной картине мира и стиле мышления всего XX столетия. Результат такой «интеграции» – общенаучное знание, через интерпретацию и конкретизацию повышающее ценность последнего.

С этой точки зрения, парадоксальным является то, что именно с началом процесса «деиндустриализации» в конце XX в., породившей идею конца истории и проект культуры отмены, на первый план выходит «технократическое» измерение постиндустриального будущего. Когда «технократическое» мышление становится доминирующим, изменяется отношение не только к человеку («иждивенец») и обществу («диктатор»), но и к природе (исчерпаемость ресурсов). Поэтому, когда речь идет о новом – VI – техноукладе (куда, помимо тотальной цифровизации, робототизации, ИИ и др., включены нано- и биотехнология, проектирование живого, био- и «кибер»-медицина и т. д.) как «новой технократической волне», – на первый план выходит новое понимание прогресса, исключаящего человека – как ведущего звена – из технологической цепи. В его конкретном воплощении

⁸ Пико дела Мирандола провозглашал, что Бог создал человека, а человек создал мир культуры.

выбывание человека из технологического процесса, а значит – из социально-культурного бытия, лишает Прогресс человеческого измерения.

И если помнить, что именно человек создает образы, на которых выстраивались «конкретно-исторические» картины мира, а ИИ нацелен лишь на распознавание последних, то исключение человека из «культуростроительного» процесса будущего, по образному «выражению» Фукуямы, означает конец истории, со всеми вытекающими последствиями для культуры, науки и самого человека, что – по проекту культуры отмены – фактически означает отмену человека как их творца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Л. Технонаука / А. Л. Андреев // Философия науки и техники. – 2011. – № 1. – Вып. 16. – С. 200–218.
2. Загидуллина Г. М. Технологические уклады, их роль и значение в развитии инновационной экономики России / Г. М. Загидуллина, Е. А. Соболев // Известия КГАСУ. – 2014. – № 4 (30). – С. 348–355.
3. Юревич А. В. Неправильное будущее / А. В. Юревич // Историческая психология и социология истории. – 2011. – № 2. – С. 208–219.
4. Розов А. А. Посткультура и высшая мера гуманитарной самозащиты / А. А. Розов. – URL: <https://libusta.club/b/244454/read>

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

Таранова А. Е., кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail: taranova.bsu@yandex.ru

Белгородский государственный институт искусств и культуры

Антонова Е. Л., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии, науковедения

E-mail: E-pi-fan@yandex.ru

5. Грант Дж. П. Философия, культура, технология : перспективы на будущее / Дж. П. Грант ; пер. на рус. В. В. Бибикина // Новая технократическая волна на Западе : сб. статей. – М. : Прогресс, 1986. – С. 153–163.

6. Бжезинский З. Между двумя веками : роль Америки в эру технотроники / З. Бжезинский ; пер. с англ. И. М. Максимовой. – М. : Прогресс, 1972. – 308 с.

7. Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : Изд-во АСТ, 2002. – 557 с.

8. Лауден Л. Наука и ценности / Л. Лауден // Современная философия науки : знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада : учеб. хрестоматия / сост., перевод, вступ. статьи, вводные статьи и коммент. А. А. Печенкина. – М. : Логос, 1996. – С. 296–344.

9. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И. З. Налетов [и др.]. – М. : АСТ, 2003. – 605 с.

10. Койн Д. Свободная воля / Д. Койн // Эта идея должна умереть : научные теории, которые блокируют прогресс : сборник / пер. с англ., ред. Дж. Брокман. – М. : АСТ, 2017. – С. 223–228.

11. Философия науки и техники : учеб. пособие для магистрантов / авт.-сост. М. И. Саврушева. – Омск : ОмГАУ, 2013. – 120 с.

12. Оруджев З. М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого / З. М. Оруджев. – М. : УРСС, 2004. – 400 с.

13. Борн М. Физика в жизни моего поколения / Н. Борн. – М. : Изд-во иностр. лит., 1963. – 536 с.

Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry of Russia named after I. D. Putilin

Taranova A. E. Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Humanities and Social-Economical Disciplines Department

E-mail: taranova.bsu@yandex.ru

Belgorod State Institute of Culture and Arts

Antonova E. L. Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science

E-mail: E-pi-fan@yandex.ru